

Судьба меня одарила знакомством с яркими, харизматическими личностями. Среди них выделяется самобытная, колоритная фигура Николая Никитовича Слюнькова. Имя его широко известно, вошло в учебники истории и энциклопедические издания. Он – крупный государственный и политический деятель БССР и Советского Союза, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный работник промышленности республики. Недавно с трибуны пятого Всебелорусского народного собрания Президент страны А. Г. Лукашенко тепло отозвался о руководителях трудного переходного периода, что прибавило симпатий главе государства за уважение к истории, явилось приятным сюрпризом для присутствовавших в зале Е. Е. Соколова, Н. И. Дементя и, конечно же, Н. Н. Слюнькова.

Никогда не забуду первой встречи с этим удивительным человеком. Произошла она давно и случайно. Для студентов журфака БГУ тогда ввели “творческую пятницу”. В этот день мы ехали в трудовые коллективы и окунались в реальную жизнь.

После моих милых и тихих Ружан, Пружан, не располагавших большой индустрией, для прохождения практики я избрал знаменитый МТЗ. Первым делом спешил в огромный, сверкающий огнями цех сборки тракторов. В нём особенно ощущалось могучее дыхание завода-гиганта, где рождались и каждые три минуты сбегали с конвейера синекрылые “Беларуси”. Они придавали бодрости духа, и уже с хорошим настроением я приходил на утреннюю летучку в редакцию популярной в большом коллективе многотиражки.

Однажды в цеху соприкоснулся, как потом выяснилось, с генеральным директором. Он заметил мой изумлённый взгляд и, улыбнувшись, спросил:

- Нравится?
- Ещё бы!

Я отошёл в сторонку и наблюдал, как гендиректор с инженерами и мастерами сосредоточенно обсуждал какую-то проблему. Под его густыми бровями искрились лучистые, строгие глаза. Высок, косая сажень в плечах, крепко сложен, мужественен. В моём юношеском воображении он представлялся былинным богатырём.

Спустя годы, работая в ЦК КПБ, я был участником и свидетелем мероприятий, проходивших под руководством Первого секретаря Центрального Комитета партии Н. Н. Слюнькова. Всякий раз восхищался его целеустремленностью, глубокой компетентностью при определении путей выхода из нестандартных ситуаций. Мысли и подходы он излагал с дальним прицелом,

побуждал кадры действовать новаторски, активнее заниматься внедрением передовых технологий, ноу-хау. И решительно отмежевывался от безликих “дუმальщиков” и “портфельщиков”, которые, словно в сказках Василия Белова, тянули невод удачи не с того конца. Вот они-то и грешили досужим вымыслом, у них не хватало ни ума, ни совести извиниться за свои постыдные деяния.

ИЗУРОВОАННОЕ ВОЙНОЙ ДЕТСТВО

Богатая на таланты Рогачёвская земля (неслучайно нынче здесь проводится республиканский праздник письменности!) стала колыбелью многих поэтов, прозаиков и публицистов. На этой земле в отдалённой от райцентра деревне Городец в 1927 году, в пору весеннего обновления природы, в крестьянской семье Слюньковых родился четвёртый ребёнок. Назвали его святым именем Николая. Цветущие сады и палисадники, падающие с неба золотые солнечные лучи вызывали светлые чувства. Свояки приходили в отведки и предрекали младенцу большое будущее.

– Пусть растёт здоровеньким! – отвечали родители.

Городец был тогда местечком. В дружбе и согласии тут жили белорусы, украинцы, поляки, евреи. Трудились в поле и на сеножатях, занимались подсобным промыслом, проводили ярмарки.

У Слюньковых земли-кормилицы было мало, испытывали горькую нужду. Отец Никита Тарасович имел начальное образование, считался грамотным человеком. Когда началась коллективизация, сельчане избрали его первым председателем колхоза. Бесконечные заботы и хлопоты подтачивали здоровье, и в 40-летнем возрасте он скорострительно скончался. На попечении матери Ксении Васильевны остались малые дети. Николаю едва исполнилось шесть лет, братьям Володе и Виктору соответственно 8 и 10, сестрёнке Соне – 12 лет. Вместе с ними он не чурался никакой работы. Жили впроголодь, очень трудно.

– Я преклоняюсь перед мудростью матери, – рассказывает Николай Никитович. – Она обладала невероятной жизнестойкостью, всё смогла выдержать, сберечь и воспитать нас. Всей своей жизнью я обязан ей.

В 1940 году в Ленинграде открыли ремесленное училище, и брат Володя уехал учиться. Там его застала война. Мы её встретили в Городце.

В районе шли ожесточенные бои. Красноармейцы с участием народного ополчения сдерживали вражеское наступление на восточном направлении. Отличился батальон капитана Фёдора Баталова, в результате дерзновенного контрудара очистивший от оккупантов железную дорогу и ряд населённых пунктов. Отважный командир в 1941 году был удостоен звания Героя Советского Союза. Полтора месяца на днепровских рубежах доблестно сражались воины 63-го стрелкового корпуса. 13 июля они форсировали реку и освободили Рогачёв. Это была одна из первых побед Красной армии в той суровой войне.

Гитлеровцы свирепствовали, подтягивали свежие силы. 15 августа налетели фашистские стервятники и сбросили на Городец бомбы. Улица запыляла. Огненное пламя перебросилось и на дом Слюньковых. Мать с детьми укрылась во дворе в окопе. Выбрались оттуда на второй день. Дымились обугленные бревна от построек. Воздух пронизывал едкий запах от сгоревшего скота.

Встал вопрос: куда пойти, куда податься. Увидели уцелевший колхозный сарай, ставший местом их приюта. Собирали кое-какую ягоду на гнилом болоте, откуда вытекала речка Ржовка, в поле искали картофелины. На этом “корме” и держались.

Подошла осень с проливными дождями, потянуло морозцем. Вскоре налетели снежные завей. Пришлось оставить продуваемое холодным ветром “жилище” и податься в деревню. Великодушные, отзывчивые люди пускали переночевать кто на одну-две ночи, кто – на неделю. Удивляло их чувство сострадания, неисчерпаемая и потрясающая сила добра. Делились последним. Так и пережили военное лихолетье.

После изгнания немецких оккупантов из района шурин матери разобрал в лесу партизанскую землянку без окон и сложил из неё на прежней усадьбе избушку. Перекопали вручную и засеяли огород. Мать работала в колхозе, по сути ничего не получая на трудодни, дети учились в школе. Николай с несколькими сверстниками решил поехать в Минск. Восемнадцать километров шли пешком до железнодорожного полустанка и товарным поездом добрались до столицы.

“Та заводская проходная, что в люди вывела меня...” Слова из популярной советской песни имеют самое непосредственное отношение к Николаю Никитовичу Слюнькову. Окончив автомеханический техникум (причём во время учёбы он подрабатывал себе на жизнь), он получил распределение на МТЗ. Трудолюбивому, смекалистому парню доверяли выполнять сложные задания. С ними он успешно справлялся. Особую гордость он испытывал, когда своими руками выточил коленчатый вал для первого трактора. Прошёл все ступеньки рабочей карьеры – от наладчика до начальника моторного цеха. Убедившись в его лидерских способностях, Слюнькова избрали председателем заводского профсоюзного комитета.

Обязанностей многократно прибавилось. Ведь предприятие строилось как самостоятельный городок с населением в 100 тысяч человек. От профсоюзного руководителя требовали чёткой работы коммунального хозяйства, социальной сферы и многое другое. Николай Никитович оправдал доверие. К тому же заочно окончил Белорусский институт механизации и электрификации сельского хозяйства (ныне Аграрно-технический университет), получил диплом инженера-механика.

В 1960 году по соседству с МТЗ возвели завод шестерён. В должности директора побывали три человека, но никто из них не смог запустить предприятие. В горьке партии судили-рядили: кому доверить бразды правления? Выбор пал на Н. Н. Слюнькова. Николай Никитович быстро вошёл в курс дела: устранил технические и технологические недоработки, определил “точки роста” и вывел завод в число лучших в отрасли. О нём много писали в прессе, ставили в пример другим.

В 1965 году 38-летнего Слюнькова уже как опытного руководителя и умелого организатора производства Бюро ЦК КПБ утвердило директором МТЗ. После создания производственного объединения его переутвердили генеральным директором. На родном предприятии, давшем путёвку в жизнь, он трудился с новой энергией: сформировал могучую команду из числа инженерно-технической интеллигенции, взрастил толковые, мастеровитые кадры рабочих. От сотрудников управленческих служб и отделов он требовал не перекладывать бумаги из папки в папку, а профессиональной эрудиции, проявления творческой инициативы и активности. Сугубо делового стиля, выработанного на МТЗ, Николай Никитович будет придерживаться во всех инстанциях, где ему придётся трудиться.

Слава о Минском тракторном заводе, обеспечивавшем агрокомплекс СССР надёжными, энергонасыщенными машинами, перешагнула границы Беларуси. На предприятие зачастили зарубежные делегации, побывали главы государств и правительств, представители бизнеса. Они высоко отзывались о достижениях тракторостроителей. Работники получали достойную зарплату, занимались в спортивных секциях, отдыхали в пансионатах, посещали кружки по интересам при заводском Дворце культуры.

Приезжая в Минск, с прагматичным Н. Н. Слюньковым встречался Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Вынашивая планы экономической реформы, Алексей Николаевич дорожил мнением гендиректора тракторного завода, который среди 13 родственных предприятий, функционировавших в стране, имел наилучшие показатели хозяйственно-финансовой деятельности.

Слюнькову стали предлагать солидные должности. Он согласия не давал, говорил, что ещё не воплотил все замыслы по развитию МТЗ. Кремль настаивал на переводе его в союзное министерство сельскохозяйственного машиностроения в качестве заместителя министра. Тогда состоялась полтора часовая беседа Слюнькова с руководителем республики П. М. Машеровым. Пётр Миронович выдвинул встречное предложение:

– Если нет желания ехать в Москву, изберём в Минске первым секретарём горкома партии. Или уже ничем я не смогу помочь. Ведь кадровые вопросы решает ЦК КПСС.

На том и порешили. По ходатайству белорусской стороны Президиум Верховного Совета СССР заслуженно присвоил Н. Н. Слюнькову звание Героя Социалистического Труда.

Ехать в Москву Николаю Никитовичу всё же пришлось. Через два года Политбюро ЦК КПСС назначило его заместителем председателя Госплана СССР, где он “отпахал” девять лет. В главном экономическом штабе страны он курировал машиностроение, распределял министерствам и союзным республикам новое оборудование. Много сделал для Беларуси: “посадил” ряд высокотехнологических производств, спрос на продукцию которых по-прежнему высок на мировом рынке.

“САМАЯ БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА – ЭТО ЭКОНОМИКА”

Белорусское руководство трижды обращалось в союзный Совмин и в ЦК КПСС с просьбой о переводе Н. Н. Слюнькова в Беларусь. Но безрезультатно. Мотивировали тем, что Николай Никитович возглавляет важный участок работы, на который подобрать замену непросто. А в республике много хороших кадров, решайте вопрос на месте.

И вот 11 января 1983 года Слюнькова пригласили на заседание Политбюро, состоявшееся на Старой площади, и сообщили:

– Сегодня ночью умер Киселёв. Будем рекомендовать вас партийной организации Беларуси для избрания Первым секретарём ЦК КПБ.

Материалы протокола, с которыми мне как инструктору орготдела ЦК КПСС пришлось ознакомиться, свидетельствуют, что Николай Никитович высказал сомнение, сославшись на недостаточный опыт партийной, политической работы:

– Мне близки промышленность, машиностроение, экономика.

Андропов ответил:

– Вам, наверное, лучше других известно нынешнее положение в стране. И вы должны понимать, что сегодня самая большая политика – это экономика. Езжайте и займитесь этой политикой в республике.

13 января 1983 года Слюнькова избрали Первым секретарём ЦК КПБ. На следие ему досталось тяжёлое. Республика теряла темп развития. Под угрозой оказалось выполнение пятилетнего плана. Многие кадры расслабились, не отдавали огонь души делу.

Особенно ошутимый откат произошёл в сельском хозяйстве. Недавно один из лучших агропромышленных комплексов Советского Союза не мог обеспечить потребности населения в продуктах питания. Образовался долг в государственные поставки молока, мяса, картофеля, льноволокна.

Сельское хозяйство подкосили крайне неблагоприятные погодные условия в три предыдущих года. В Беларуси “засухі і завеі” встречались и раньше. Об этом писал Якуб Колас в повести “Дрыгва”, когда в знойное лето приходилось сельчанам заготавливать веточный корм.

В 1979 году выгорали от палящего солнца посевы. На глазах гибли сеяные травы, зерновые, пропашные культуры. Возникла угроза кормопроизводству. Зимняя бескормица угрожала общественному и личному поголовью крупного рогатого скота. Центральный Комитет КПБ и правительство республики забились тревогой. Все людские силы, техника, шефствующие предприятия были брошены на заготовку дикорастущих трав, осоки, мелкого кустарника на силос, хвои для переработки на муку. На болотные просторы, а их было достаточно много, вышли тысячи людей.

В следующем, 1980 году в июньские дни ударили заморозки, нанешие урон посевам и травам. Большие площади пересевали поздними яровыми культурами.

Из-за невыполнения плана товарооборота несбалансированным оказался бюджет республики. Эмиссия денег в 1982 году достигла 500 млн рублей.

Застыла отдача основных производственных фондов. Материальные затраты на 1 рубль едва достигали 57 копеек. Более половины объектов сдавалось с нарушением нормативных сроков.

Обдумывая стратегию выхода из сложившейся ситуации, Слюньков учитывал положительный опыт своих предшественников. Как экономист, путём глубокого, всестороннего анализа работы отраслей вскрывал пласты неиспользованных резервов, которые необходимо задействовать.

Первое. Предстояло повысить темпы роста промышленного производства в 1,5 раза. Для Николая Никитовича, имевшего богатый управленческий опыт, эта проблема считалась разрешимой.

Второе. Понадобилось создать новый экономический механизм в капитальном строительстве, не имевший аналога в СССР.

Третье. Надо было вернуть утраченные достижения в сельском хозяйстве, придать ему мощную динамику развития и вывести на рентабельную работу. В оставшиеся три года пятилетки следовало увеличить среднегодовую продажу молока на 22%, массы скота и птицы – на 36%. Перед такими цифрами дрогнуло правительство, не говоря уже о кадрах АПК. Для Слюнькова же эти рубежи стали кредо всей его деятельности. Он действовал жёстко, но в тех условиях оправданно. Его отличали потрясающее трудолюбие, безоглядная целеустремлённость, настойчивость и решительность.

Руководителей исполнительных, дисциплинированных, умеющих результативно работать, высокий спрос не пугал. Те, кому предстояло подтянуться, почувствовали персональную ответственность за порученное дело.

Николай Никитович требовал от властных структур без бюрократических проволочек избавляться от недостатков и упущений, содержащихся в критических и аналитических выступлениях прессы. Мэтр журналистики, шеф-редактор “Юридической газеты” Леонид Юнчик в статье “Тоска по реагированию” писал:

– Н. Слюньков на заседании Бюро ЦК поинтересовался у председателя Совета Министров М. Ковалёва, читал ли он в “Советской Белоруссии” статью А. Градюшко “Загадки белого цветка”.

– Ну, читал, – неуверенно ответил тот.

– Если через “ну” – значит, не читал, – сделал вывод Н. Слюньков. – Рекомендую почитать, всё тщательно выверить и принять по поднятым проблемам решение Совмина. В трёх номерах, в которых опубликован материал, есть всё, что необходимо для такого решения, – заключил он.

Сотрудники аппарата правительства абзац за абзацем проверили три части публикации и не нашли ни одной ошибки или неточности, технологического несоответствия или иного заблуждения. В результате 25 апреля 1986 года появилось постановление Совета Министров БССР “О мерах по увеличению производства и продажи государству зерна гречихи в республике”. Этот документ сыграл свою прогрессивную роль: многие хозяйства Беларуси увидели перспективы выращивания ценной культуры и стали активно поддерживать данное направление.

Экономика была жёстко регламентирована. Для её структуризации республика не имела прав. Тем не менее, Слюньков, одержимый руководитель с напористым характером, решился на крупномасштабные экономические эксперименты в промышленности, строительстве, на железнодорожном транспорте, в агрокомплексе, жилищно-коммунальном хозяйстве. Замысел? Резко повысить качественную составляющую экономики и на этой основе обеспечить дальнейший рост жизненного уровня людей.

Экономические преобразования начались с сельского хозяйства. ЦК КПБ и Совет Министров БССР приняли совместное постановление о работе партийных, советских, хозяйственных органов по росту производства грубых и сочных кормов, мерах по экономии зерна на фуражные цели, сокращении затрат кормов при хранении, повышению качества, сбалансированности. В соответствии с этим постановлением разработали программу ежегодного прироста грубых кормов не менее чем на один миллион тонн кормовых единиц.

Не дожидаясь согласия союзного правительства, внесли изменения в структуру посевного клина, занимавшего 2,5 млн гектаров земли. Площадь под бобовыми зерновыми культурами увеличили на 80%; клеверов, промежуточных трав – в два раза. Посевы кукурузы расширили на 72%, корнеплодов – на 18–20%. Гораздо больше стали высевать гороха, вики, люпина, рапса. Занялись улучшением естественных кормовых угодий, созданием высокопродуктивных пастбищ вблизи животноводческих ферм, залужением и перезалужением трав.

Использовали опыт США, где на пастбищах получали 52% кормов и расходовали на 1 кг производства мяса 5 кг зерна. (В СССР – соответственно 20% и 10 кг). Стали ускоренно формировать продуктивное стадо.

Пришлось перестраивать психологию кадров, вселять уверенность в реальности намеченных планов. Приезжали сначала в самые убыточные хозяйства, затем – в отстающие районы и сообща определяли перечень мер, позво-

лявших выйти на более высокие рубежи. Вместе со специалистами и руководителями в этой работе самое непосредственное участие принимали Слюньков.

Возникало много вопросов, требовавших неотложных решений. Так, в колхозах и совхозах предостаточно было тракторов, автомобилей. Но каждое второе хозяйство не имело самоходных кормоуборочных комбайнов, комплекса машин для заготовки сена. Недоставало хранилищ для сенажа, силоса.

Не высказывая просьб к Центру, не надеясь на его помощь, Николай Никитович пошёл по пути принятия конкретных мер на республиканском уровне. Подключили промышленные предприятия для выпуска недостававших средств механизации. Селу оказывали помощь в строительстве дорог, сооружении объектов для надёжного хранения кормов. Внедряли коллективный, семейный и личный подряд, позволявший увеличить заработки, стимулировать труд. За счёт повышения его производительности обеспечили 100% прироста молока, 69% – говядины и 55% – свинины. В течение двух лет (1983–1984) все убыточные хозяйства стали работать прибыльно.

Не выпадали из поля зрения частные подворья, производившие 33% всей валовой продукции. В них содержалось 1119 тыс. голов крупного рогатого скота, 1800 тыс. свиней, 20 млн штук птицы, 274 тыс. овец. На содержание поголовья выделялось до 1 млн тонн сена, 330 тысяч тонн комбикормов. Отладили подворный сбор излишков молока, мяса, овощей, картофеля, фруктов по твёрдым ценам.

Обращали внимание на развитие садово-огороднических товариществ. Количество дачных наделов достигло 165 тысяч, заняв 10,3 тысячи га земли.

Кадры работали вдумчиво, изыскивая резервы и обеспечивая высокие показатели. Они и впрямь вдохновляли. Судите сами. **За четыре года (1983–1986) производство валовой продукции сельского хозяйства увеличилось на 30%, себестоимость её снизилась на 18%, производительность труда возросла на 34%. Прибавка в реализации молока составила 1 млн 368 тысяч тонн с ростом на 36%, скота и птицы – на 506 тысяч тонн (+41%). Рентабельность АПК поднялась с 3 до 36%. Исчезли очереди за продуктами в магазинах, население стало потреблять мясомолочную продукцию выше рекомендованных медицинских норм.** Рассчитались со всеми долгами государству, в том числе и по поставкам продукции в общесоюзный фонд.

Окрепло финансовое положение аграрного сектора, обеспечившего пятую часть национального дохода. Как следствие, зарплата у тружеников деревни увеличилась в 1,5 раза, достигнув 93% от средней зарплаты по республике. Велась реализация крупных проектов. И никакого самообольщения или бахвальства не было.

Сельские поселения предстояло обустроить инфраструктурой. Для этого требовались огромные средства. Зарабатывали их за счёт эффективного хозяйствования. Согласно расчётам, к 2000 году урожайность зерновых и картофеля предусматривалось увеличить в два раза, валовое производство мяса и молока – в 1,6 раза. Значительно сокращались затраты кормов на единицу продукции.

Вкратце скажу о строительном комплексе. ЦК КПСС разрешил ввести дополнительно должность секретаря ЦК КПБ, курировавшего эту отрасль. На новое место назначили высокопрофессионального Юрия Колоколова, сумевшего обеспечить всем необходимым вверенный ему участок работы. Во главе министерств, трестов и управлений стояли известные в республике руководители Иван Жижель, Николай Архипец, Станислав Бриль, Леонид Плечко, Пётр Прокопович, Николай Карнилович и другие.

Но модель, существовавшая годами, изнашивалась. Она базировалась на объёмах строительно-монтажных работ, включая овеществленную, то есть заранее произведённую продукцию. От их величины зависели размеры прибыли, рост зарплат, премии. При этом беречь, рационально расходовать материалы, трудовые ресурсы не было смысла.

Противозатратный экономический механизм ставил своей задачей снижение ресурсоёмкости и опирался на стабильные, неизменные в течение пяти лет цены. Объекты подешевели на 30%, возводились под ключ в нормативные сроки. Забыли слово “долгострой”. Произошла настоящая революция в капитальном строительстве!

Об этом Слюньков говорил с трибуны XXVII съезда КПСС. Политбюро приняло три постановления по белорусскому опыту. Однако прогрессивное начинание не получило поддержки. Председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков, секретарь ЦК, заведующий отделом строительства ЦК КПСС Борис Ельцин придерживались старой схемы. В результате незавершёнка в стране удвоилась, и весь национальный доход вкладывался в неё.

В Беларуси в промышленной сфере количество научно-производственных объединений довели до 231. В их обязанности входили разработка и освоение инноватики не любой, а “своей”, то есть применительно к данной отрасли, региону, крупным трудовым объединениям. В этом проявилось глубокое понимание важности более прочного соединения теории и практики, где традиционно наблюдался разрыв, стремление оказывать существенное влияние на обеспечение национальной технологической безопасности.

Удачные экономические эксперименты провели в машиностроении, электротехнической, лёгкой, пищевой и мясомолочной промышленности, в министерствах автомобильного транспорта, связи, на Белорусской железной дороге... Освоили выпуск 1760 новых изделий. Благодаря повышению производительности труда высвободили десятки тысяч человек. К этому подталкивала усложнившаяся демографическая ситуация, недостаток рабочих рук. За пятилетку валовой общественный продукт вырос на 26,5%, национальный доход – на 30%. Построили 23 млн м² жилья. Это больше, чем за предыдущие 30 лет (1951–1980). Справили новоселье Государственный театр музыкальной комедии Беларуси в Минске, драматические театры в Гомеле и Гродно, НИИ травматологии и ортопедии в столице, областная больница в Витебске, районные – в Ивье, Мяделе, Наровле, Октябрьском, Ельске, Мстиславе, Борисове, Узде, многие школы, клубы и кинотеатры.

На Беларусь, которая признавалась победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании в 1983–1987 годах, снова стали смотреть как на эталон развития, движения в будущее. Ей на вечное хранение оставлено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Высокие темпы развития сохранялись до разрушения СССР. В республике не было ни стагнации, ни пресловутого застоя.

ПУТИ-ДОРОГИ СВЕЛИ С ГОРБАЧЁВЫМ

Горькую досаду доставляет разочарование в человеке, в которого верил, на которого надеялся. А если этот человек наделён властными полномочиями, охватывает психологическое потрясение от сознания того, что ничего святого не осталось в его душе и сердце.

Нечто подобное пережил Слюньков при более близком знакомстве с Горбачёвым. Ещё работая в Госплане СССР, Николай Никитович по долгу службы сталкивался с Михаилом Сергеевичем, который до начала “генсекства” в качестве секретаря ЦК КПСС отвечал за аграрную политику. Положение дел в сельском хозяйстве страны вызывало тревогу, и он задумал подготовить Продовольственную программу СССР. Но вместо детальной проработки всех её составляющих впал в иллюзию. На одном из совещаний Слюньков при рассмотрении вынесенного на обсуждение варианта выступил с возражением. Более того, свое мнение изложил в записке. В ней обосновал необходимость направления в АПК до 30% капвложений. Механизация сельхозтруда уже была на высоте. Узким местом оставались сохранность и переработка продукции. Нужно было незамедлительно создавать материально-техническую базу. Были другие весомые и конкретные предложения.

Партийным чиновникам такого уровня обычно никто не возражал, и Горбачёв вскипел, не стесняясь грубых выражений.

Другой бы спасовал, но Николай Никитович был не робкого десятка. Здравомыслящий, объективный, уверенный в своей правоте, он настаивал на принципиально иных подходах. Горбачёву эта дерзость не понравилась, и он холодно пригрозил Слюнькову увольнением без какого-либо трудоустройства в Москве.

После совещания Николай Никитович зашёл к председателю Госплана СССР Н. К. Байбакову и открылся ему, как на духу. Умудрённый шеф внимательно его выслушал. Зная повадки Горбачёва, резюмировал:

– С ним такое бывает. Успокойся. Утро вечера мудренее.

Николай Никитович сказал:

– У меня есть запасной аэродром – Минский тракторный завод. Там работа для меня всегда найдётся.

Действительно, на следующий день с утра пораньше по кремлёвской спецсвязи позвонил Михаил Сергеевич и попросил прощения за нетактичный вчерашний разговор.

Уже без участия Слюнькова Горбачёв, окруживший себя некомпетентными подхалимами, протолкнул оторванную от жизненных реалий Продовольственную программу, которая блистательно провалилась.

Медлительность, верхоглядство, нерешительность в “пограничных” ситуациях, требовавших воли, поступка, повторялись и впредь. Так было и в час аварии на Чернобыльской АЭС.

“Ядерные сюжеты”, предвестники украинской техногенной катастрофы, в СССР случались и раньше, но о них нигде не писали. Да и видные физики внушали, что обуздали грозный атом. Помню, на Всесоюзном совещании лекторов в Москве президент Академии наук СССР, трижды Герой Соцтруда Анатолий Александров (его “детисцем” и был чернобыльский реактор) успокаивающе говорил: “Мы можем построить атомную станцию на Красной площади и гарантируем её полную безопасность”.

В тревожные поставарийные дни Киев и Москва хранили молчание. Либера-л-фаворит, кумир и поклонник Горбачёва Дмитрий Волкогонов, которому в данном случае в правде не откажешь, в книге “10 вождей: от Ленина до Путина” засвидетельствовал:

“Зампредседателя Совета Министров СССР на Политбюро рассказывал, что 26 апреля в Чернобыле до вечера играли свадьбы...”

По мнению 3-го Главного управления при Минздраве СССР, принятие специальных мер, в том числе эвакуация населения из города Припяти, не требуется” (с. 652).

И совсем обескураживающий факт. По утверждению того же Волкогонова, “Михаил Сергеевич на заседании 5 мая подарил своим коллегам фразу, которая, сохранись КПСС, могла быть занесена в книгу афоризмов великих: “Паника – роскошь подчинённых, а не Политбюро и правительства” (с. 653).

Только 14 мая генсек выступил по телевидению. Говорил в убаюкивающей манере, и трудно было понять, насколько произошедшее опасно для здоровья людей, можно ли дальше жить на загрязнённой территории.

Первую тревожную информацию Слюньков получил 28 апреля от белорусских учёных, специалистов по ядерной энергетике. По его указанию на места срочно выехали руководители министерства здравоохранения, других республиканских ведомств.

Принимая во внимание показания созданных радиационных постов, прекратили полевые работы в Брагинском и некоторых других прилегающих к Чернобылю районах. Снимали с пастбищ скот и укрывали животных в помещениях. Людям, почувствовавшим непривычную сухость во рту или лёгкое недомогание, оказывали медицинскую помощь.

В Гомель приехал Н. Н. Слюньков. С его участием было принято юридическое решение об отселении. Производить его самовольно без санкций ЦК КПСС и Совета Министров СССР считалось противозаконным.

Специалисты не исключали на станции второго, более мощного взрыва, предположительно 7-8 мая. Если бы это случилось, то пришлось бы спасать всех жителей Беларуси. Накануне ночью Н. Н. Слюньков экстренно собрал Бюро ЦК КПБ. На нём присутствовали представители всех регионов республики. Рассматривались меры, связанные с возможной эвакуацией населения из 250-километровой зоны от АЭС, 100 км из которых – с очень высоким радиусом поражения. Но ликвидаторам удалось подвести жидкий азот под реактор, в котором, как теперь известно, хранилось более 160 тонн ядерного топлива, и остановить подъём температуры. На душе отлегло.

В республике развернулась колоссальная работа по ликвидации последствий аварии, о чём обстоятельно, со знанием дела, рассказал академик Иосиф Богдевич в журнале “Белая Вежа” (2016, №4).

Однако шумливые оппозиционеры, чья нога в то время не ступала на усыпанную невидимым пеплом землю, спустя многие годы, чтобы заявить о себе, вылили на Н. Н. Слюнькова и первого секретаря Гомельского обкома А. С. Камая немало грязи. Настало время защитить их репутацию. Как это

ещё раньше сделал настоящий журналист Николай Щербаченя в серии своих правдивых и искренних очерков о горячем апреле 1986 года, опубликованных в “Белорусской ниве” (ныне “Сельская газета”).

Будучи избранным членом Политбюро и секретарём ЦК КПСС, Николаю Никитовичу пришлось уже вплотную работать с генсеком Горбачёвым. Он испытывал горечь и убеждался: ему не были присущи государственная мудрость и историческая дальновидность китайского реформатора Дэн Сяопина. Зато риторика, поверхностных суждений – хоть отбавляй. Как следствие – склонность принимать решения без глубокой научной проработки и оценки их последствий.

Так было и с приснопамятным антиалкогольным указом. Экспроприация вино-водочных запасов обошлась государству в 50 млрд рублей. Даже ведущий здоровый образ жизни Егор Лигачёв (с ним у Слюнькова сложились товарищеские отношения) в шутку предлагал учредить два ордена: один – “За мужество” для тех, кто бросил пить, другой – “За отвагу” для тех, кто на догуге не отказался от кружки пива или бокала вина. Позиция очевидна: всему своя мера.

Николай Никитович, курируя экономический отдел, в котором трудились высококлассные специалисты, солидные учёные, досконально прорабатывал с коллегами волнующие общество проблемы. Встречался и имел содержательную беседу с американским экономистом, лауреатом Нобелевской премии Василием Леонтьевым. Затем тратил немало сил и нервов, раскладывая всё по полочкам, с цифрами в руках аргументируя важность принятия оптимальных сценариев развития самодостаточной державы. Михаил Сергеевич слушал, вроде бы соглашался. Выйдя из кабинета, тут же всё забывал. Страна взрывалась изнутри под изумлённое подхихикивание зарубежных “коллег”, щедро осыпавших его завуалированной разрушительной лестью и всевозможными наградами.

Странную позицию занимал председатель правительства Н. И. Рыжков. Он юлил, изворачивался, подстраивался под Горбачёва, которого из-за непродуманной, провальной политики перестройки в народе нарекли двуликим Янусом, князем тьмы, политическим импотентом.

Тягостные мысли одолевали Слюнькова. Видя всю абсурдность ситуации, он добровольно сложил с себя полномочия. Это был демарш честного и негибаемого белоруса.

По прошествии трёх десятков лет у бывшего генсека-президента наступило запоздалое прозрение. В только что в вышедшей в Москве объёмной книге “Горбачёв в жизни” он на странице 720 признаёт, что предлагаемые Слюньковым решения были правильными. Вот так! А прислушался бы к ним в своё время облечённый огромной властью Михаил Сергеевич, и глядишь, великая страна пошла бы по созидательному пути, стала бы благополучной и привлекательной в экономическом и социальном отношениях.

СРЕДИ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ

По возвращении в Минск Николай Никитович поселился в обычной трёхкомнатной городской квартире. Наконец-то у него появилось больше времени побыть с семьёй. Она у него, можно сказать, идеальная. С женой, Лидией Павловной, кстати, землячкой, жизнь прожили душа в душу, даже ни разу в спор не вступили. Вырастили троих детей.

Старшая дочь Светлана окончила инженерно-строительный факультет БПИ и бесменно трудилась во Всесоюзном институте автоматизации промышленного производства.

Вторая дочь, Инесса, обосновавшаяся в Москве, доктор архитектуры, член-корреспондент РАН. Многие годы она посвятила изучению монастырско-го зодчества России и Беларуси. Написала несколько уникальных книг и стала лауреатом премии Союзного государства.

Сын Серёжа был прекрасным архитектором. По его проектам возведено немало современных зданий. В 49 лет неожиданно он скончался по дороге на работу.

Из жизни ушла супруга Николая Никитовича. Сам он перенёс несколько сложных операций. Заботу об отце взяла на себя благородная Светлана. Их можно видеть гуляющими по парку.

Иногда к ним присоединяюсь и я. Несмотря на почтенный возраст, Николай Никитович обладает феноменальной памятью. У меня сложилось сильное впечатление от бесед с ним по различным вопросам государственного строительства, образования, воспитания, культуры.

Слюньков любит читать, тем самым постоянно совершенствует себя. Заинимая высокие посты, он выкраивал время, чтобы пообщаться с литераторами. И ему есть что вспомнить.

– Очень уважительное отношение, – отмечает собеседник, – у меня сложилось к Василию Быкову. Полагаю, что никто лучше него и Юрия Бондарева не описал войну. Они смогли глубоко раскрыть состояние души и психологию фронтовика-солдата. Для этого надо было иметь огромный дар, писательский талант. Познакомился я с Василём Владимировичем, когда он уже был классиком. В общении оказался на удивление простым, открытым и душевным человеком. Тогда шли разговоры о том, что идеологи “дают” писателей. Выкроил время и поговорил с Быковым о работе, о литературе, что называется, с глазу на глаз.

– Конечно, – сказал он, – есть такое. – И стал приводить оценки.

– В таком случае я поручу секретарю ЦК по идеологии Кузьмину снять туманные несуразицы.

– Наверное, не надо, – возразил Василь Владимирович. – Дай Бог другим иметь такой идеологический центр, как у нас.

Направляясь с визитом в Молдавию, я пригласил в поездку Василя Быкова. В товарищеской обстановке обменивались мнениями, проясняли позицию. Речь заходила и о творчестве. Василь Владимирович говорил, что свои повести, рассказы переводит на русский язык сам. Только автор может наиболее точно передать эмоциональное настроение произведения.

Приближался 60-летний юбилей Быкова. Бюро ЦК КПБ высказалось за представление Василя Владимировича к присвоению звания Героя Социалистического Труда.

Еду в Москву. Захожу к секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачёву. Говорю по существу. В присущей ему манере ни во что серьёзно не вникать, он уклонился от рассмотрения вопроса.

От Горбачёва я вышел удручённым. Походил, подумал и решил переговорить со вторым секретарем ЦК КПСС Константином Черненко. Выслушав меня, он попросил ускорить оформление наградных документов.

Вскоре появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Быкову почётного звания.

Хорошо зная белорусскую и русскую литературу, Николай Никитович советует внукам прочитать то или иное произведение. Рассказывает им и о достижениях советской цивилизации, давшей миру блестящую плеяду учёных, деятелей литературы и искусства.

Слюнькову не присущи “звёздность”, высокомерие, чванство. Он ценит дружбу с верными товарищами, не порывает связей с тракторным заводом. Когда позволяет самочувствие, приезжает на предприятие, встречается с рабочими и ИТР, интересуется моделями будущих машин. При этом подчёркивает: “Без обновления нет развития, движения вперёд. Такова диалектика жизни”.